

## НАУКА И ВЛАСТЬ *SCIENCE AND POWER*

### Всемогущее правительство, поддержанное “научным консенсусом”

К.Э. ЯНОВСКИЙ\*,  
С.В. ЖАВОРОНКОВ\*\*

**\*Яновский Константин Эдуардович** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Shomzon Center for Economic Policy Research (Израиль). Адрес: 119511 Москва, просп. Вернадского, 84, стр. 9. E-mail: janovski@iep.ru

**\*\*Жаворонков Сергей Владимирович** – старший научный сотрудник научного направления “Политическая экономия и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: 125993 Москва, Газетный пер., д. 3, кор. 5. E-mail: javoronkov@iep.ru

Каждый конкретный ученый не может быть идеальной интеллектуальной машиной, полностью свободной от посторонних влияний. Прогресс, как минимум естественных наук, в течение последних четырех веков показывает, что научное сообщество способно занимать несмещенную, не подверженную случайным искажениям позицию (по крайней мере, в долгосрочной перспективе выходить на нее). При этом рост “социального государства” с его масштабными программами научных исследований, принудительно финансируемым налогоплательщиком, может вызывать искажения. В долгосрочной коллективной позиции ученых они склоняют к желанию обосновать политику, выгодную специальным интересам, например государственного служащего, стремящегося максимизировать подведомственные ему бюджет и полномочия. Фиксация же искаженного научного консенсуса способна оказывать давление даже на ответственных политиков – сторонников ограниченного в своих полномочиях и бюджете правительства. Они нуждаются в рекомендациях по предотвращению такого давления.

**Ключевые слова:** искаженный научный консенсус “нового типа”, специальные интересы, спрос на искажения, рекомендации по компенсации давления искаженного научного консенсуса.

**DOI:** 10.31857/S086904990007570-9

**JEL:** D72, D73, B25.

**Цитирование:** Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2019) Всемогущее правительство, поддержанное “научным консенсусом” // Общественные науки и современность. № 6. С. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990007570-9

## Unlimited Government Endorsed by “Scientific Consensus”

Konstantin E. YANOVSKIY\*

Sergei V. ZHAVORONKOV\*\*

\*Konstantin E. Yanovskiy – PhD, senior research fellow at the Institute for applied economic research under Russian Academy of national Economy and public Administration, director of Shomron Center for Economic Policy Research (Israel). Address: 84, bldg 9, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.

\*\*Sergei V. Zhavoronkov – senior researcher at political economy and regional development studies department, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3–5, Gazetny per., Moscow, Russian Federation, 125993. E-mail: javoronkov@iep.ru

**Abstract.** While any individual Scientist can't be a perfect unbiased intellectual machine, free from any irrelevant influences, “aggregate” position of scientific community could be more or less unbiased in Long Run – the fact proven by history of progress in natural sciences since XVI century. The rise of Big Government which invests heavily in the Research and Development could prevent scientific community from approaching to the scientifically reasoned position because of strong special interests of governmental grantors to maximize the bureaus' budgets and discretionary power (Niskanen, Tullock, Jasay). The bureaucrats could be interested to get even deliberately biased, distorted results for their policies proposals “scientific” support. Responsible politician standing with Limited Government should be equipped by political technologies compensating pressure of distorted scientific consensus.

**Keywords:** distorted Scientific consensus, special interests, demand for bias and distortion, policy advice to avoid distorted consensus pressure.

**DOI:** 10.31857/S086904990007570-9

**Citation:** Yanovskiy K., Zhavoronkov S. (2019) Unlimited Government Endorsed by “Scientific Consensus”. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 91–103. DOI: 10.31857/S086904990007570-9 (In Russ.)

### Воплощение мечты Платона

Платон мечтал о диктатуре мудрецов как об идеальном (и тоталитарном) государственном устройстве [Bloom 1991, p. 309]. Ситуация, при которой политики – пусть даже избранные демократически – послушно следуют рекомендациям сообщества ученых, принятых консенсусом, начинает сильно напоминать реализацию мечты древнего грека. Впрочем, даже в древности восприятие консенсуса среди мудрецов было неоднозначным. Так, еврейская традиция требует признавать единогласный обвинительный приговор высшего собрания мудрецов – Великого Санhedрина недействительным (Талмуд, трактат Санhedрин 17a). Вероятно, что главной причиной введения такой нормы была нужда в защите мудрецов от давления сильных мира сего. Другой распространенной причиной удивительных массовых совпадений мнений и согласий может быть конфликт интересов.

У демократического политика есть сильные стимулы следовать “единогласно” подержанным рекомендациям ученых. Хотя, с одной стороны, он не заинтересован в передаче своей власти и полномочий принимать решения третьим лицам, не получившим в отличие от него мандата на выборах, но с другой – пока такие случаи единичны: страх предстать в СМИ невежественным может победить. В некоторых случаях перспектива избавиться от ответственности за непопулярные или чреватые непредсказуемыми последствиями решения, переложив ее на “совет мудрейших”, может восприниматься политиком как благо.

У прессы желание атаковать строптивого политика может быть связано с теми же интересами, которые толкают бюрократов требовать больших бюджетных расходов, а заодно, естественно, и больших полномочий. Речь идет прежде всего об “общественных” СМИ

(принудительно финансируемых налогоплательщиком), связанных с социальной бюрократией фундаментальным общим интересом – не допустить возвращения общества к поддержке концепции ограниченного правительства (*Limited Government*), в рамках которого места для таких “общественных” СМИ не существует<sup>1</sup>.

Наличие научного консенсуса по той или иной проблеме, как правило, действительно означает, что проблема решена и возвращаться к дискуссии бессмысленно. Однако у ученых иногда (а возможно, и нередко, в зависимости от форм организации научной деятельности) появляются стимулы достижения консенсуса, весьма далекие от любви к истине и совпадения многолетних результатов беспристрастного и добросовестного научного анализа.

Такие стимулы могут возникать, в частности, в ситуации, когда растущая доля научных исследований финансируется из бюджета. Долгосрочный рост доли таких работ наряду с новыми возможностями бюрократов и политиков – сторонников “большого щедрого правительства” – по их влиянию на программу частного финансирования науки объективно создает основу для коалиции огромного большинства ученых с такими бюрократами и политиками. Мощь этой коалиции может усиливаться государственно финансируемыми или государственно регулируемыми СМИ<sup>2</sup>.

Ученый не может (да и не должен) быть беспристрастной интеллектуальной машиной. Но его индивидуальные предпочтения и эмоции компенсируются в условиях дискуссии со значительным числом участников дискуссии и при наличии свободы ведения таковой. Однако, если возникают групповые интересы или даже эмоционально обусловленный спрос на искажение, то оно, скорее всего, останется некомпенсированным. Так, в США в результате краха СССР пострадали как раз представители той школы “советологии”, которые критически относились к коммунистическому режиму и предсказывали такую возможность. Вычищали их с факультетов и кафедр представители большинства, предсказания которых потерпели полный провал [*Pipes* 2003]. Возникший однажды ошибочный консенсус такого рода обладает большой инерцией обусловленной, помимо прочего, нежеланием ошибавшихся ученых обесценить свои прошлые проекты и публикации [*Rubin* 1994].

Данные опросов показывают гигантское доминирование среди американских ученых (особенно обществоведов и гуманитариев) сторонников партии щедрого правительства [*Klein, Stern* 2007; *Rothman, Lichter* 2009; *Langbert, Quain, Klein* 2016]. Представим себе в этой ситуации некоего политика – сторонника компактного ограниченного правительства. Требования предоставить правительству дополнительные полномочия и соответствующие им огромные ресурсы вызывают у него естественные опасения. Однако и бросать вызов единому фронту ученых, бюрократов, прессы, не говоря уже о политических оппонентах, – опасно для политического выживания.

Данная статья адресована как раз такому политику и его действиям в нашем мире, далеком от мира платоновских идеалов. Столь узкая адресация связана с тем, что политики, пытающиеся, по определению В. Гумбольдта, данным еще в XVIII в. – в 1792 г. [*Humboldt* 1854], “вести к счастью” вместо того, чтобы лишь защищать граждан от ограниченного набора угроз, знают, к кому обратиться, и в наших советах точно не нуждаются.

---

<sup>1</sup> У СМИ, получивших доступ на рынок и защиту от конкурентов благодаря сложной системе лицензирования, могут быть интересы кооперироваться с бюрократами, схожие с интересами Public media.

<sup>2</sup> Некоторые последствия сочетания беспрецедентного финансирования с политической и административной мощью коалиций, обеспечивающих финансирование невоенных исследований в США и Западной Европе, подробнее рассматриваются в (<https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274>), являющихся дополнительными материалами к данной статье.

### Конфликт интересов и группы интересов: откуда исходит опасность?

Существует обширная литература о конфликтах интересов. Наиболее проработаны вопросы конфликта интересов юриста и предпринимателя (менеджера)<sup>3</sup>. Есть работы о конфликтах интересов в политике и даже в благотворительных организациях. Немало публикаций и о конфликте интересов в медицине [Lo, Field 2009].

В актуальных и политизированных обсуждениях нередко упоминается конфликт интересов как следствие получения ученым частного финансирования, которое дает основания для подозрений в корыстном интересе грантодателей. Последние стремятся избежать тяжелого налогового бремени и новых унижительных и обременительных регуляций.

Нам, однако, не приходилось встречать работ, указывающих на куда более сильный (вследствие масштабов государственного финансирования) конфликт, связанный с получением гранта на выполнение государственного заказа. Однако конфликт интересов ученого, содействующего лоббированию экспансии государственных расходов и регуляций и получающего бюджетное финансирование<sup>4</sup>, представляется более чем очевидным.

К сожалению, эти представления не разделяются сегодня большинством. Так, NASA, потенциальный бенефициарий программ борьбы со всеобщим потеплением представляет широкой аудитории неспециалистов материал, в котором гипотеза об антропогенной природе потепления, будто бы наблюдающегося в последние десятилетия, представляется доказанной со ссылкой на научный консенсус (<https://climate.nasa.gov/scientific-consensus/>). При этом материал не предваряется оговоркой (предупреждением) о конфликте интересов правительственного агентства, которое само является и заказчиком исследований по данной тематике, и потенциальным заказчиком более масштабных исследований, если гипотеза будет принята как научная истина политическим руководством страны.

Гражданская бюрократия, заинтересованная в раздувании своих полномочий, получила мощный рычаг прямого влияния на тематику и косвенно – на результаты исследований (в части рекомендаций – *Policy Advice*). В США это произошло в конце 1950-х гг. Тогда под впечатлением от запуска СССР первого искусственного спутника земли бюрократия и левые<sup>5</sup> журналисты организовали кампанию, требуя срочного наращивания государственного финансирования науки и техники с тем, чтобы сократить мифическое “отставание” от социалистических стран.

С 1955 г. по 1967 г. общее финансирование НИОКР (R&D) из федерального бюджета увеличилось (в ценах 1996 г.) с 11 до 66 млрд долларов<sup>6</sup>. Дальнейший рост был несравнимо медленнее – так, к 2002 г. бюджет на эти нужды достиг 84,4 млрд долларов. Последние выполненные ассигнования приблизились к 140 млрд, а последние бюджетные запросы превышают 150 млрд (<https://www.nsf.gov/statistics/2017/nsf17304/>). Особенно впечатляю-

<sup>3</sup> См., например, [Davis, Snead 1982] (в юриспруденции); [Carson 1994; Carson 2004; Luebke 1987; McGill, 1959] (в бизнесе).

<sup>4</sup> Влияние государства хорошо объясняет известный феномен деградации культуры научных дискуссий и вытеснения несогласных (сторонников Limited Government). См., например, данные Фонда за индивидуальные права в образовании (<https://www.thefire.org/spotlight/using-the-spotlight-database/>), а также многочисленные описания примеров давления на инакомыслящих: <http://www.campusreform.org/>.

<sup>5</sup> Имеются в виду сторонники “заботливого”, слабо ограниченного в полномочиях и бюджете правительства (государств).

<sup>6</sup> См. National Science Foundation (<https://www.nsf.gov/statistics/2017/nsf17304/>), а также подробнее (для периода по 2013 г.) таблицу в Дополнительных материалах на с. 24–28 (<https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274>). Эти данные NSF не включают расходы правительств штатов (свыше 2 млрд долларов в год (<https://www.nsf.gov/statistics/2017/nsf17307/>)).

щими темпами росли в течение 1955–1967 гг. расходы на **невоенные (!)** исследования: с 1,95 до 34,35 млрд долларов.

Мы полагаем, что частные пожертвования и заказы на научные исследования в целом идеологически нейтральны (если не делаются под давлением политиков и бюрократов). По крайней мере, среди богатейших людей США сторонники свободной экономики “*Limited Government*” отнюдь не доминируют<sup>7</sup>. Гражданский бюрократ заинтересован в максимизации полномочий, прежде всего по принятию произвольных решений [Jasay 1998], а также бюджета [Niskanen 1971; Tullock 2005]. Это значит, что такие огромные ресурсы в руках гражданской бюрократии способны значимо влиять на позицию исполнителей заказов (получателей грантов) и создают для последних сильные искушения в поддержке бюрократов и политиков – сторонников “щедрого” и неограниченного в полномочиях правительства. Набивший оскомину пример сомнительного консенсуса с требованием предоставления больших полномочий регуляторам бизнеса и фантастических дополнительных бюджетных ресурсов – гипотеза об обусловленном человеческой деятельностью глобальном потеплении.

### **Экономисты: консенсусы, основанные на историях, которых не было**

Экономисты традиционно часто выступали в качестве советников лиц, принимающих решения. При этом строгость выводов в экономических исследованиях при отсутствии возможности проведения воспроизводимого эксперимента и наличии объективных способов формализации анализа куда меньше, чем в естественных науках. Такая ситуация чревата гораздо большей опасностью возникновения ложного консенсуса, чем, например, в физике или биологии (особенно под упомянутым влиянием правительственных заказов и грантов). Приведем ряд примеров из творчества выдающихся современных экономистов, которые отражают элементы опасного при выработке рекомендаций антикапиталистического консенсуса. Взгляды этих ученых далеки от наших, но их вклад в современную экономическую мысль бесспорно значительный и позитивный.

**“Всем известно”, как крупный бизнес коррумпировает правовые и политические институты.** Э. Глейзер и А. Шляйфер в своей известной статье о становлении современных полномочий государства по вмешательству в экономику пытаются объяснить весь процесс зарождения и экспансии регулирования и конец эпохи свободного предпринимательства в США. Они, в частности, пишут об угрозе коррупции государственных институтов (политики, судебной системы), которую будто бы несли крупные частные компании. При этом высказывается смелая гипотеза, что режим судебного разрешения споров о причинении ущерба более уязвим для коррупции, чем регулирование, и что будто бы именно этим и обусловлено введение и разрастание регулятивных функций государства [Glaezer, Shleifer 2003, p. 402]. Повышенную коррумпированность суда авторы объясняют тем, что он налагает большие (тяжелые) наказания, но с малой вероятностью, и это создает мотивы сильнее коррумпировать судей, чем чиновников, занятых регулированием.

Главный приведенный в статье “исторический аргумент” – коррумпированность судов США в конце XIX в. Авторы утверждают, что богатые предприниматели чуть ли не участвовали в подборе кандидатов в судьи (заявление, казалось бы, нуждающееся в серьезнейших доказательствах). В то же время они не потрудились представить ни одного детально описанного примера такой коррупции. Вместо этого они неявным образом ссылаются на “общеизвестность”, “общее знание”. Презрение Глейзера и Шляйфера к отечественной истории выражается в легкости, с которой они смещают период действительно высокой

---

<sup>7</sup> См. записку о политических пристрастиях богатейших американцев (<https://papers.ssrn.com/abstract=3255123>).

коррупции в США с 1865–1877 гг.<sup>8</sup> на самый конец XIX в. с тем, чтобы подогнать “исторические” аргументы под свою гипотезу. Они игнорируют и примеры невероятной податливости бизнеса давлению политиков, только отчасти объяснимой в стиле М. Ротбарда [Ротбард 2005] стремлением крупнейших предпринимателей нагрузить весь бизнес регуляциями, которые для них представляли бы менее тяжелую ношу, чем для не столь пока мощных конкурентов. Достаточно вспомнить примеры от Д. Моргана до Дж. Сороса (последний сам активно лоббирует и пропагандирует избыточные регуляции рынка).

Морган, атакованный президентом Т. Рузвельтом ради показательной расправы над крупнейшим предпринимателем, пытался переубедить президента, предлагал уладить проблемы и получил грубый отказ. Тогда он просто обратился в суд и ... проиграл<sup>9</sup>, видимо, недостаточно коррумпировав судей. Морган даже не пытался использовать выборы 1904 г., чтобы отомстить президенту Т. Рузвельту. Более того, он участвовал в финансировании предвыборной кампании своего врага<sup>10</sup>.

Утверждения же Глейзера и Шляйфера со ссылками на современных авторов о том, что “суд был пристрастен к бизнесу” [Glazer, Shleifer 2003, p. 405], выглядят, на наш взгляд, неубедительными. Особенно в отсутствие проверки ими источников финансирования цитируемых современных авторов (не получали ли они деньги от правительства на свои исследования, что могло повлиять на их настрой). Все последующие примеры, как нетрудно убедиться, взяты целиком из области журналистики и беллетристики без анализа хотя бы одного примера тщательного расследования и признания виновными в коррупции кого бы то ни было. Зато неоднократно цитируется президент В. Вильсон, известный своими глубокими и легко проверяемыми (налоги, регуляции) антипредпринимательскими предрассудками.

Здесь, правда, возможно возражение/объяснение отсутствия приговоров как раз тем, что “бароны-грабители” (журналистский штамп, неоднократно встречающийся в тексте научной статьи<sup>11</sup>) всех коррумпировали и потому не были наказаны по заслугам в судебном порядке. Но такое объяснение строго копировало бы известный карточный суд кэрролловской Страны чудес над валетом, логика которого (почерк не его, подписи нет и это всего подозрительнее) вызывала понятное отвращение здравомыслящей и порядочной Алисы.

Коррумпировать судей, присяжных, свидетелей в США, конечно, возможно, но это на порядок сложнее, чем в любой другой стране. Поскольку именно там существуют наименее благоприятные для коррупции условия. Это жесткая медиа- и политическая конкуренция, прозрачная процедура назначения федеральных судей и части судей штатов, выборы другой части судей штатов, отстранения судей также по прозрачной процедуре импичмента. Зато коррумпировать чиновника, назначаемого практически пожизненно и не отвечающего перед избираемым политиком, намного проще. Так же как и направить его усилия против конкурента. И это не говоря уже о самой опасной коррупции, не связанной со взятками: стимулах, обусловленных возможностями чиновников узурпировать власть и присваивать на как бы законном основании деньги налогоплательщика.

<sup>8</sup> См., например, [Woodward 1991]. Будучи “либералом”, этот историк пытается оправдать коррупцию того периода, но не скрыть ее. Редкий для правовой демократии уровень коррупции легко объясняется ситуацией после страшной братоубийственной войны, когда сотни тысяч лучших граждан погибли. Такие потери не могли не сказаться на уровне общественной морали (не говоря уже о вражде и ожесточении, вызванных войной, по сравнению с которыми взятки не выглядели чем-то особенно аморальным). Немалую роль сыграло и снижение политической конкуренции, когда в течение первого послевоенного десятилетия республиканцы – радикальные аболиционисты ощущали себя безальтернативной партией власти (большинство южных демократов не голосовало до выборов 1876 г.).

<sup>9</sup> См. Northern Securities Co. v. United States, 193 U.S. 197 (1904) (<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/193/197/>).

<sup>10</sup> См. <https://millercenter.org/president/roosevelt/campaigns-and-elections>.

<sup>11</sup> Реальное содержание этого термина напрямую разбирается историком Б. Фолсомом [Folsom 1991].

Необходимо напомнить и о том, что механизмы административного регулирования способствуют не росту малого и среднего бизнеса, гибнущего под бременем регуляций, а скорее защищают доминирование крупного и очень крупного бизнеса. Политический же спрос на регулирование достаточно хорошо объясняется введением всеобщего избирательного права и ростом при политической поддержке материально несамостоятельного (зачастую зависимого от бюрократии) избирателя “социального государства” и “заботливого” и не ограниченного в своих функциях и полномочиях правительства [Jasay 1998; Грин 2009, с. 15].

**Рецепты Л. Зингалеса и Л. Котликоффа.** Оба этих известных экономиста демонстрируют озабоченность плохими институтами, избыточными регуляциями. Котликофф также озабочен безответственной финансовой политикой. Оба обращаются не к своим коллегам и даже не к политикам напрямую. Посыл их популярных книг скорее можно определить как обращение к политикам посредством избирателей. При этом Зингалес разделяет уже упомянутое выше фантастическое представление о властолюбивом и коррумпирующем все вокруг частном бизнесе (при полной слепоте относительно коррумпирующих бизнес и политиков бюрократов и коррумпирующих политиков избирателей-паразитов).

В своей книге “Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики” Зингалес рисует своеобразную и местами спорную историческую картину истории американского успеха. Он справедливо выделяет протестантскую этику, поддерживающую уважение к успеху. Не упоминаются, правда, те, кто ее сегодня искореняют во имя “пресвятой политкорректности”<sup>12</sup>, и не объясняет – зачем же они это делают?

Среди институтов, обеспечивших США особые преимущества, названы (и справедливо) федерализм, ограниченность власти, судебная система. Однако о частной собственности, защита которой обеспечивается с помощью ограничения полномочий властей и эффективного справедливого суда, практически нет речи. Как и о тех, кто напрямую бросают ей вызов, равно как и свободному предпринимательству<sup>13</sup>. Вскользь приводится резко отрицательное мнение об антимонопольной политике А. Гринспена и даже признается, что основания для такового имеются. При этом даже не упомянут Д. Арментано (“Антитраст против конкуренции”), который на примерах ряда судебных дел доказал, что они обычно не имели никакого отношения к конкуренции, зато атаковали успешные бизнесы, по сути, наказывая за успех. То есть фактически выводили попавших под судебную машину из конкуренции или ослабляли самого сильного (или потенциально сильного) игрока, а значит, резко опускали планку конкуренции.

Зингалес, бичуя коррупцию, основное внимание уделяет относительно редким схемам подкупа чиновников и политиков бизнесом. При этом обходит должным вниманием господствующие схемы, с помощью которых чиновники и политики умножают регулирования и дискреционные полномочия. То есть в тени остается само право чиновника решать, кого допустить на конкурс, а кого нет (до недавнего времени претендент на федеральные заказы, прежде чем быть допущенным к конкурсу, должен был ввести у себя политику “позитивной дискриминации”, открывая для чиновников возможность проверять, достаточно ли она изощрена, причем без гарантий допуска на конкурс). Тенденцию искусственного раздувания регулирования через массу законов по принципу каждой проблеме – свой закон “в защиту людей” – отметил еще более полувека назад Б. Леони [Leoni 1991]. Соответственно, в книге Зингалеса не упоминается проблема подавления личных свобод посредством “джихада против дискриминации”, он же – борьба за “позитивную дискриминацию” против законопослушных и трудолюбивых граждан и в пользу иждивенцев, голосующих за “всемогущее правительство”.

<sup>12</sup> См., например, <https://www.csmonitor.com/USA/USA-Update/2015/0930/Okla.-officials-vote-to-remove-Ten-Commandments-from-court-house>.

<sup>13</sup> См. <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/07/13/remarks-president-campaign-event-roanoke-virginia>.

Автор сосредоточился на теме политического могущества капитала (особенно финансового), каковой, будто бы, угрожает коррумпировать власть и скупает профессоров, приглашая наиболее дружественных бизнесу (как, кстати, и самого Л. Зингалеса) в советы директоров, а также на иные хлебные места. При этом умалчивается о десятках миллиардов долларов федеральных грантов и заказов на невоенные научные исследования, которыми правительство ежегодно подкупает ведущие частные университеты, при отсутствии аналогичных частных программ хотя бы отдаленно сопоставимого масштаба<sup>14</sup>. Не акцентирует он внимание читателя и на причине процветания отдельных экспертов и фирм типа ведущих рейтинговых агентств. Секрет их успеха отчасти лежит в далеком славном прошлом, но в основном объясняется победами в гонке за государственными лицензиями на обслуживание (аудит) финансовых структур. Так, П. Сален [Сален 2015, с. 74–75] отмечает, что накануне кризиса 2008 г. рынок был практически монополизирован тремя агентствами при поддержке государства. В итоге, если немного копнуть, оказывается, что требуемые многими единомышленниками Зингалеса дополнительные меры регулирования и контроля призваны решать проблемы, вызванные в основном заведомо избыточным контролем, введенным ранее.

Котликофф в также относящейся к разряду популярных книге “Пенсионная система перед бурей” обвиняет (консервативных) реформаторов пенсионных систем в том, что они бросили неподготовленного гражданина на произвол судьбы и рынка. По сути, он призывает читателей не брать ответственность за собственный выбор. Призыв делается в контексте описания реальных вызовов и угроз, неизбежных тяжелых потерь в случае, если эти читатели не научатся принимать решения самостоятельно и не вынудят к ответственному поведению своих политических представителей.

Анализируя современную экономическую литературу, особенно публицистическую, можно сделать вывод, что политический сдвиг “влево” и ограничение конкуренции интеллектуалов привели к возможности, а затем и к привычке экономистов игнорировать не удобные для них факты. Использование не имеющих отношения к истине “нарративов” и “общего знания” (того, чего на самом деле никогда не было) стало нередким и среди лучших авторов. Возможность, а иногда даже желательность игнорирования истории связана с отмеченным выше идеологическим давлением даже в лучших современных университетах. Это давление нарастало после принятия известного Вашингтонского консенсуса, основанного в большой степени на опыте болезненных провалов и на здравом смысле.

Мало кто из экономистов рискует явным образом высказывать “неполиткорректные” рекомендации даже если они вытекают напрямую из их собственных статей (к примеру, интересно сравнить рекомендации Д. Асемоглу (Аджемоглу) властям Грузии [Федорин 2015] с его же работой, объясняющей почему и самой Америке, и всему миру нужно, чтобы США не становились подобием скандинавских экономик [Acemoglu, Robinson, Verdier 2012]). К примеру, мало кто, кроме некоторых либертарианцев [Block 2010]<sup>15</sup>, все еще готовы защищать свободу в ее естественном, но атакуемом сторонниками всемогущего правительства обличии как право на частную дискриминацию.

### Научный консенсус будущего на потоке

Известна история о травле ученых-математиков Т. Хилла и С. Табачникова, разрабатывавших математический инструментарий для проверки старой гипотезы Ч. Дарвина о большей вариабельности признаков среди самцов по сравнению с самками (“Greater Male Variability

<sup>14</sup> См. ссылки в нашем докладе “Из новейшей истории университетов...” ( <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536629>).

<sup>15</sup> См. также его заметку 2013 г. в (<https://www.mises.ca/are-criminal-and-other-background-checks-racially-discriminatory/>).

Hypothesis’ (GMVH)). Этот пример служит иллюстрацией того, как можно “организовать” научный консенсус силами политических активистов от науки и поддерживающих их бюрократов всего за несколько недель. Анализ событий показывает, что решающую роль тут сыграла не группа активистов-радикалов, а вставшая на ее сторону могущественная организация с бюджетом, превышающим 150 млрд долларов на научные исследования (National Science Foundation – NSF). Эти деньги из федерального бюджета тратятся преимущественно через университеты (хотя в целом в США на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы основные деньги дает бизнес<sup>16</sup>). И такие колоссальные ресурсы превращаются в рычаг давления на университетскую администрацию.

Объективно руководству NSF выгодно размывание любых научных и нравственных критериев предоставления финансирования. Обладая беспрецедентными в истории человечества ресурсами, предназначенными на деятельность, результаты которой трудно проверить, они не нуждаются в резком увеличении бюджета (стандартный мотив бюрократа по [Niskanen 1971]). Но возможность принятия решений о выделении средств по собственному усмотрению (максимизация власти – мотив государственного мужа по Э. де Ясаи [Jasay 1998]) не заинтересует только ангела небесного. Максимизация доли средств, распределяемых по усмотрению руководства организации, достигается решением двух взаимосвязанных задач:

- избавиться от каких-либо обязательных (и при этом разумных и формализованных) критериев выделения средств под предлогом необходимости “многокритериальной оптимизации” с учетом “равенства”, “социальной справедливости” и “разнообразия”.

- формирование нового большинства среди научных сотрудников с тем, чтобы в дальнейшем обеспечивать своим решениям большую независимость от политиков со ссылкой на мнение научной общественности. А на деле – полностью зависимость от бюрократов профессионально беспомощного большинства. С таким новым большинством создание “научных консенсусов” может быть легко поставлено на поток.

Обе эти задачи и решались в описанной истории. По сути, поддержка, весьма оперативно оказанная руководством NSF активистам, показала, что с ее точки зрения наука и собственно задача продвижения к истине должна потесниться в пользу упомянутых выше критериев – “разнообразия” и “социальной справедливости”. При этом чиновникам NSF удалось переключить внимание общества и даже жертв на малозначительную организацию радикальных активистов.

Отметим здесь, что NSF уже более десятилетия тратит миллионы долларов на поддержку инициатив в области “разнообразия” и “включенности”, имеющих отношение не к достижениям в науке и технике, но к решению задачи освобождения руководства этой государственной структуры от выработки критериев, связанных с качеством заказываемых исследований и их отдачей (<https://www.nsf.gov/od/odi/>). Пользуясь известной аналогией, научный консенсус, организованный, руководимый и направляемый чиновниками, можно определить как “научный консенсус нового типа”.

### **Можно ли полагаться на экспертов? Защита от умника**

Нам представляется, что требования существенного обременения общества налогами и правилами со ссылкой на научный консенсус должны в некоторых случаях проходить проверку по законодательно закрепленной процедуре. Наличие такой формальной процедуры могло бы ослабить возможности персонального давления на политиков.

Среди проверок должна быть проверка на “искусственный консенсус”. Признак настоятельной необходимости такой проверки – сочетание бюджетного финансирования

---

<sup>16</sup> О структуре финансирования науки в ведущих странах см. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274>. Там же см. описание университетской бюрократии, ответственной за продвижение идеологии (diversity & inclusion).

исследований ведущих участников “консенсуса” с требованиями увеличения бюджета и полномочий правительственных ведомств, то есть наличие заложенного в механизм обеспечения исследования конфликта интересов грантодателя, заинтересованного в определенном результате. В особенности, если рекомендации участников консенсуса обосновывают необходимость значимого увеличения расходов бюджета и требуют новых полномочий для органов власти.

Поскольку любой грантодатель имеет те или иные интересы, оптимальной ситуацией представляется наличие у исследователей возможностей выбора из множества грантодателей с разными интересами и разными взглядами. То есть важно проверить, насколько сбалансировано финансирование исследований по обсуждаемой проблеме. Если значительная его доля приходит из бюджета гражданских ведомств<sup>17</sup>, а значит, она не сбалансирована должным образом частными источниками, то это становится основанием для дополнительного беспокойства. Тем более, что интересы частных грантодателей чаще противоречат друг другу, чем интересы разных ведомств. К тому же стремление предпринимателя к прибыли, как показывает практика, идеологически нейтрально, а доминирование в финансировании научных исследований частных коммерческих источников доказывает их способность (при наличии очевидного интереса) заместить государственное финансирование университетской науки там, где это действительно необходимо (<https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3271274>). Впрочем, если речь идет о государственном финансировании, то и внутри его также желательно отсутствие серьезной концентрации средств у одного источника<sup>18</sup>. Наконец, важный признак искусственности – наличие оппонентов консенсуса в виде профессионального с релевантным опытом и образованием независимого меньшинства ученых.

Существующим уже аналогом предлагаемых процедур являются “оценка регулирующего воздействия” (Regulatory Impact Analysis) и проверки на наличие конфликта интересов. Последние должны фокусироваться прежде всего на опасности сочетания государственного финансирования исследований с обоснованием рекомендаций по дополнительным расходам бюджета, расширению полномочий органов власти, с одной стороны, и усилению регуляций и иных обременений частных лиц (фирм, неправительственных организаций и домохозяйств) – с другой.

Косвенной, но важной проверкой качества консенсуса в случае проведения значительной части исследований в университетах может быть формальный тест на наличие полной свободы дискуссий как преподавателей, так и студентов этих университетов. В начале 1970-х гг. Р. Коуз вызвал к здравому смыслу ученых, дорожащих свободой слова, и призывал почитать эту свободу как для себя, так и для других [Coase 1974]. Сегодня, в эпоху научного консенсуса “нового типа” такой аргумент уже не работает.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грин Д. (2009) Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства. М.: Новое издательство.

Зингалес Л. (2017) Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики. М.: Издательство Института Гайдара.

Котликофф Л., Бернс С. (2005) Пенсионная система перед бурей. М.: Ирисен.

---

<sup>17</sup> Оборона – неоспоримая функция государства, военные расходы демократических государств исторически никогда не были сопоставимы с гражданскими расходами современных демократий [Yanovskiy, Zalcovetsky 2017], поэтому есть смысл вывести их из анализа данного теста.

<sup>18</sup> К примеру, в случае размещения заказов военного ведомства может оказаться целесообразным сохранить самостоятельные структуры, готовящие программу исследований, задания и принимающие результаты научной работы по родам войск.

- Ротбард М. (2005) История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум.
- Сален П. (2015) Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов. М.: ИИГ.
- Федорин В. (2015) Дорога к свободе. Беседы с Кахой Бендукидзе. М.: Новое издательство.
- Acemoglu D. Robinson J.A., Verdier T. (2012) Can't We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric Growth and Institutions in an Interdependent World. NBER Working Paper No. 18441 Issued in October 2012.
- Block W. (2010) The Case for Discrimination. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute.
- Bloom A. (translation) (1991) The Republic of Plato. 2<sup>nd</sup> ed. New York: Basic Books.
- Carson T.L. (1994) Conflicts of Interest // Journal of Business Ethics. Vol. 13. No. 5. Pp. 387–404.
- Carson T.L. (2004) Conflicts of Interest and Self-Dealing in the Professions: A Review Essay // Business Ethics Quarterly. Vol. 14. No. 1. Pp. 161–182.
- Coase R.H. (1974) The Market for Goods and the market for Ideas // The American Economic Review. Vol. 64, No. 2. Papers and Proceedings of the Eighty-sixth Annual Meeting of the American Economic Association. Pp. 384–391.
- Davis M., Snead W. S. (1982) Conflict of Interest // Business & Professional Ethics Journal. Vol. 1. No 4. Pp. 17–32.
- Folsom B.W. (1991) The Myth of the Robber Barons: A New Look at the Rise of Big Business in America. Reston (VA): Young America's Foundation.
- Glaeser E.L., Shleifer A. (2003) The Rise of Regulatory State // Journal of Economic Literature. Vol. 41. No 2. Pp. 401–425.
- Humboldt W. von (1854 [1792 first publication]) The Sphere and Duties of Government (The Limits of State Action). London: John Chapman (<http://goo.gl/Hh6MIT>).
- Jasay A. (1998) The State. Indianapolis: Liberty Fund.
- Klein D., Stern Ch. (2007) Is There a Free-Market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members // American Journal of Economics and Sociology. Vol. 66. No. 2. Pp. 309–334.
- Langbert M., Quain A.J., Klein D. (2016) Faculty Voter Registration in Economics, History, Journalism, Law, and Psychology // Economics Journal Watch. Vol. 13. No. 3. September. Pp. 422–451.
- Leoni B. (1991) Freedom and the Law. Indianapolis: Liberty Fund.
- Lo B., Field M.J. (eds.) (2009) Committee on Conflict of Interest in Medical Research, Education, and Practice Conflict of Interest in Medical Research, Education, and Practice. Conflicts of Interest and Medical Practice Institute of Medicine (US) Washington (DC): National Academies Press (US) (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK22944/>).
- Luecke N. R. (1987) Conflict of Interest as a Moral Category // Business & Professional Ethics Journal. Vol. 6. No. 1. Pp. 66–81.
- McGill B. (1959) Conflict of Interest: English Experience 1782–1914 // The Western Political Quarterly. Vol. 12. No. 3. Pp. 808–827.
- Niskanen W. (1971) Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine-Altherton.
- Pipes R. (2003) Dixie: Memoirs of a Non-Belonger. New Heaven, London: Yale Univ. Press.
- Rothman S., Lichter S.R. (2009) The Vanishing Conservative – Is There a Glass Ceiling? // Hess Fr. M., Maranto R., Redding R.E. The Politically Correct University Problems, Scope, and Reforms. Washington (DC): AEI Press.
- Rubin P.H.P. (1994) The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness // The Cato Journal. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–36.
- Stiglitz J.E., Nicholas S. (2017) Report of the High-Level Commission on Carbon Prices, Carbon Pricing Leadership Coalition (<https://www.carbonpricingleadership.org/report-of-the-highlevel-commission-on-carbon-prices/>).
- Tullock G. (2005) The Politics of Bureaucracy Public Affairs Press, 1965; selected works. Vol. 6 “Bureaucracy”. Indianapolis: Liberty Fund.
- Woodward C. V. (1991) Reunion and Reaction: The Compromise of 1877 and the End of Reconstruction. Oxford: Oxford Univ. Press, Kindle Edition.
- Yanovskiy M., Zatcovskiy I. (2017) How Butter beats the Guns // Defence & Strategy Vol. 17. No. 1. Pp.141–154.

## REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A., Verdier Th. (2012) Can't We All Be More Like Scandinavians? Asymmetric Growth and Institutions in an Interdependent World. *NBER Working Paper No. 18441 Issued in October*.
- Block W. (2010) *The Case for Discrimination*. Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute.
- Bloom A. (translation) (1991) *The Republic of Plato*. 2<sup>nd</sup> ed. New York: Basic Books.
- Carson T. L. (1994) Conflicts of Interest. *Journal of Business Ethics*, vol. 13, no. 5, pp. 387–404.
- Carson T.L. (2004) Conflicts of Interest and Self-Dealing in the Professions: A Review Essay. *Business Ethics Quarterly*, vol. 14, no. 1, pp. 161–182.
- Coase R.H. (1974) The Market for Goods and the market for Ideas. *The American Economic Review*, vol. 64, no. 2, Papers and Proceedings of the Eighty-sixth Annual Meeting of the American Economic Association (May, 1974), pp. 384–391.
- Davis M., Snead W. S. (1982) Conflict of Interest. *Business & Professional Ethics Journal*, vol. 1, no. 4, pp. 17–27, 29–32.
- Fedorin V. (2015) *Doroga k svobode. Besedy s Kahoy Bendukidze* [The road to Freedom. Talks with Kaha Bendukidze]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Folsom B.W. (1991) *The Myth of the Robber Barons: A New Look at the Rise of Big Business in America*. Reston (VA): Young America's Foundation.
- Glaeser E., Shleifer A. (2003) The Rise of Regulatory State. *Journal of Economic Literature*, vol. 41, no. 2, pp. 401–425.
- Green D. (2009) *Vozvrashchenie v grazhdanskoe obshchestvo* [Reinventing Civil Society Rediscovery of Welfare without Politics]. Moscow: Novoye izdatel'stvo.
- Humboldt W. von (1854 [1792 first publication]) *The Sphere and Duties of Government (The Limits of State Action)* London: John Chapman. (<http://goo.gl/Hh6MIT>).
- Jasay A. (1998) *The State*. Indianapolis: Liberty Fund.
- Klein D., Stern Ch. (2007) Is There a Free-Market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members. *American Journal of Economics and Sociology*, vol. 66, no. 2, pp. 309–334.
- Kotlikoff L., Burns S. (2005) *Pensionnaya sistema pered burey* [The Coming Generational Storm: What You Need to Know about America's Economic Future]. Moscow: Irisen.
- Langbert M., Quain A.J., Klein D.B. (2016) Faculty Voter Registration in Economics, History, Journalism, Law, and Psychology. *Economics Journal Watch*, vol. 13, no. 3, pp. 422–451.
- Leoni B. (1991) *Freedom and the Law*. Indianapolis: Liberty Fund.
- Lo B., Field M.J. (eds.) (2009) Institute of Medicine (US) Committee on Conflict of Interest in Medical Research, Education and Practice. Conflict of Interest in Medical Research, Education, and Practice. *Conflicts of Interest and Medical Practice*. Washington (DC): National Academies Press (US) (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK22944/>).
- Luecke N.R. Conflict of Interest as a Moral Category (1987) *Business & Professional Ethics Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 66–81.
- McGill B. (1959) Conflict of Interest: English Experience 1782-1914 *The Western Political Quarterly*, vol. 12, no. 3, pp. 808–827.
- Niskanen W. (1971) *Bureaucracy and Representative Government*. Chicago: Aldine-Altherton.
- Pipes R. (2003) *Dixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Heaven, London: Yale Univ. Press.
- Rothbard M. (2005) *Istoria denezhnogo obrashenia i bankovskogo dela v SSHA* [A History of Money and Banking in the United States. From colonial Era to World War II], Chelyabinsk: "Sotzium".
- Rothman S., Lichter S.R. (2009) The Vanishing Conservative — Is There a Glass Ceiling? Hess Fr.M., Maranto R., Redding R.E. *The Politically Correct University Problems, Scope, and Reforms*. Washington (DC): AEI Press.
- Rubin P.H.P. (1994) The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness. *The Cato Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 23–36.
- Salin P. (2015) *Vernutsya k kapitalizmu chtoby izbezhat' krizisov* [To return to the Capitalism, to avoid crises. Revenir au capitalisme, pour éviter les crises]. Moscow: "IIG".
- Stiglitz J.E., Nicholas S. (2017) Report of the High-Level Commission on Carbon Prices. *Carbon Pricing Leadership Coalition* (<https://www.carbonpricingleadership.org/report-of-the-highlevel-commission-on-carbon-prices/>).

Tullock G. (2005) *The Politics of Bureaucracy; selected works, vol. 6 Bureaucracy*. Indianapolis, Liberty Fund.

Woodward C.V. (1991) *Reunion and Reaction: The Compromise of 1877 and the End of Reconstruction*. Oxford: Oxford Univ. Press, Kindle Edition.

Yanovskiy M., Zatskovetsky I. (2017) How Butter beats the Guns. *Defence & Strategy*, vol. 17, no. 1, pp. 141–154.

Zingales L. (2017) *Kapitalizm dlya naroda. Liberalnaya revolyuciya protiv korrumpirovannoy ekonomiki* [A Capitalism for the People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity]. Moscow: “IIG”.